

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

13 ДЕКАБРЯ 2025 | СУББОТА

«ОТ СКЕПСИСА К УБЕЖДЕННОСТИ: ПУТЬ ЦИФРОВОГО КОДЕКСА КАЗАХСТАНА»

Профессор Фархад Карагусов о том, почему Казахстану понадобился собственный Цифровой кодекс, и какое место он занимает в реформе национальной права. Мажилис принял во втором чтении Цифровой кодекс Республики Казахстан. Вместе с тем в экспертных кругах не утихают дискуссии. Критики говорят о форме, недостаточном объеме и отсылочных нормах, а сторонники утверждают, что документ закрывает давно существующий правовой вакуум цифровой среды. Доктор юридических наук, профессор, член Международной академии сравнительного права (IACL) Фархад КАРАГУСОВ объясняет, почему кодификация стала неизбежной, и как цифровые технологии заставили право ускориться.

Сая ЗАГИПОВА,
Астана

– Фархад Сергеевич, сегодня продолжают горячие дискуссии о том, насколько вообще обосновано принятие Цифрового кодекса. В чем Вы видите природу этих споров?

– Споры действительно остаются острыми, несмотря на то, что Мажилис уже принял документ во втором чтении и направил его в Сенат. В обсуждениях звучит очень разная аргументация – от узкоформальных ссылок на то, что действующее законодательство не предусматривает принятия Цифрового кодекса, что текст небольшой по объему, содержит отсылочные нормы до размышлений о том, есть ли у Цифрового кодекса собственный, самостоятельный предмет регулирования.

И это неудивительно. В нашей правовой теории нет современного, полноценного учения о кодексах и о самой кодификации. Тем не менее, если учитывать мировой опыт и историческую эволюцию законодательных систем, становится очевидной целесообразность придерживаться общего понимания кодификации как операции по сведению разнообразных правовых норм в форму единого целого применительно к определенной области общественных отношений.

Наиболее правильный подход при осуществлении кодификации предполагает наличие двух условий: она должна опираться на доктрину и должна осуществляться на основе теоретического анализа техники кодификации. Но жизнь сложнее. Бывают ситуации, когда кодификация требуется даже в отсутствие доктрины просто потому, что обстоятельства и интересы развития общества требуют появления кодекса именно сейчас. В таких случаях, наряду с обычной компиляцией, неизбежно возникают кодификация-реформа – внедрение новых идей, новых правовых конструкций, которые позволяют вводить в оборот инновационные, глубокие и плодотворные правовые решения.

– Критики Цифрового кодекса говорят, что он «не нужен» или «недостаточно зрел» как кодификация, «не тянет на кодекс». На Ваш взгляд, какие признаки показывают, что момент для кодификации все-таки наступил?

– Я считаю, что такие признаки есть, и они вполне очевидны. Здесь уместно вспомнить мысль французского правоведа Рене Кабрияка, одного из крупнейших специалистов мира по вопросам кодификации, – кодификация возникает тогда, когда сначала появляется социальная потребность общества в правовой определенности, а затем эта потребность становится потребностью власти, обладающей политической волей.

И в Казахстане оба эти фактора проявились именно в этой последовательности. Сначала стремительное проникновение

цифровых технологий в повседневную жизнь сформировало запрос общества на защиту прав в цифровой среде и на укрепление цифрового суверенитета. А затем поручение Президента о принятии Цифрового кодекса стало выражением той самой политической воли, о которой писал Кабрияк.

Поэтому я убежден: момент для кодификации действительно наступил.

– Вы говорили, что были первоначально скептичны. Почему?

– Потому что несколько лет назад идея Цифрового кодекса возникла преимущественно в среде IT-специалистов. Она не была подкреплена доктриной, не имела полноценной юридической основы, не сложились еще необходимые для этого объективные обстоятельства.

В то же время уже тогда можно было видеть, что цифровая трансформация стремительно меняет экономику, управление, права человека и требует системных правовых решений. Объективные предпосылки для кодификации постепенно формировались, поскольку усиливалась фрагментарность регулирования, росли риски коллизий, возникали новые технологические вызовы, которых существующее законодательство не покрывало.

Когда последовало вышеупомянутое поручение Главы государства, оно стало важным политическим импульсом для того, чтобы давно назревшая дискуссия перешла в стадию практической разработки. Тогда я посчитал своим профессиональным и гражданским долгом подключиться к этой работе, чтобы формирующийся кодекс не только не создавал угрозу для действующей правовой системы, но, наоборот, стал ее развитием и укреплением.

А затем, когда началась работа с депутатами и другими членами рабочей группы, я увидел, что документ может и должен стать основой для назревшей реформы нашего права – модернизации гражданского законодательства, формирования полноценной смешанной юрисдикции и устранения очевидных рисков разрушения нашей национальной правовой системы, создания современной правовой основы для цифровой среды и для интеграции Казахстана в региональные и глобальные цифровые инфраструктуры.

– Насколько процесс разработки осложнило отсутствие доктрины и сжатые сроки?

– Очень сильно. У нас не было двух ключевых условий: доктрины так называемого «цифрового права» и достаточного времени, которое важно для выбора между простой компиляцией и настоящей кодификацией. Но разработчики приняли для себя еще одно важнейшее условие эффективной кодификации: содержание кодекса должно быть приспособлено к населению нашей страны, к тем, чьи права и обязанности он регулирует.

То есть он должен органически соответствовать потребностям казахстанского общества.

Доктрину мы сможем сформировать уже позже, на основе практики применения кодекса, накопленных знаний и научного анализа цифровой среды.

– Как Вы определяете ключевую значимость Цифрового кодекса?

– Его значимость вовсе не в простом сведении норм в один документ. Цифровой кодекс задуман как основа правовой реформы сразу в двух стратегически важных направлениях. Первое – это полноценное регулирование цифровой среды, которое до сих пор остается фрагментированным, лишены единых принципов, категориального аппарата и связи с другими отраслями законодательства. Второе – модернизация законодательных основ частноправовых отношений, что включает обновление гражданского законодательства с использованием опыта развитых правовых систем.

Именно поэтому кодекс создавался как результат комбинации двух подходов: с одной стороны, компиляции уже действующих норм в сфере электронного документооборота и информатизации, а с другой – как кодификация-реформа, то есть внедрения инновационных правовых конструкций, которых никогда не было в национальной правовой системе. Речь идет о таких концепциях, как цифровой кондоминиум, публичный интерес, цифровая идентичность, право на забвение, публичные цифровые объекты и другие. Эти понятия не просто вводятся, но получают конкретный правовой режим, что для кодификации является принципиально важным.

– У кодекса действительно есть самостоятельный предмет регулирования?

– Да, и он четко очерчен. Это общественные отношения, возникающие и реализующиеся в цифровой среде по поводу формирования, использования и оборота цифровых записей и цифровых объектов. Как уже говорил, эта обширная сфера сегодня почти не регулируется или регулируется фрагментарно. Нет принципов, нет единого категориального аппарата, нет связи с другими отраслями законодательства. Цифровой кодекс должен способствовать устранению этого пробела.

– Почему цифровую среду предлагается регулировать как сферу частного права?

– Потому что цифровые объекты – это объекты гражданских прав. Именно Гражданский кодекс должен обеспечивать защиту имущественных прав на них. Но важно и то, что гражданско-правовой подход по-

зволяет распространить защиту личных неимущественных прав на цифровые данные, идентификационные записи, цифровую идентичность. Это фундаментально.

– Какие новеллы Вы считаете ключевыми?

– Для меня ключевыми являются те новеллы, которые действительно вводят в казахстанское право новые категории и новые правовые конструкции. Прежде всего это включение в законодательный аппарат таких понятий, как «публичный интерес», «цифровой кондоминиум», «право на забвение», «цифровая идентичность». Важно не только само появление этих категорий, но и то, что кодекс сразу задает для них конкретные правила регулирования и правовые режимы. Это весьма нетипично для нашей правовой системы, где новые понятия зачастую ограничиваются декларативным определением.

Не менее важным я считаю и обоснованное решение разработчиков кодекса не вводить в законодательство концепцию «цифровых прав». Этот термин сегодня активно используется, но остается юридически неопределенным и доктринально недостаточным обоснованным. Введение такой категории без прочной теоретической базы создало бы риск подрыва целостности гражданского законодательства. Поэтому такой отход – это тоже взвешенное и зрелое решение.

Следующая принципиальная инновация – отражение в кодексе элементов правового режима публичного имущества, пусть пока и применительно только к национальным цифровым объектам. Это серьезный шаг вперед, потому что речь идет о защите имущественных и иных правомерных интересов неопределенного круга лиц, прежде всего граждан Казахстана. По сути, кодекс делает первые шаги к формированию модели, которая позволит использовать и защищать публичные цифровые ресурсы как объекты особой ценности и общего блага.

И наконец я бы отметил, что все эти нововведения объединяет одно: они относятся к сфере частноправового регулирования, но их невозможно было бы включить напрямую в Гражданский кодекс без угрозы разрушения его концептуальных основ. Поэтому появление этих категорий именно в Цифровом кодексе – это не только новелла, но и единственно правильное на данный момент решение с точки зрения техники кодификации.

– То есть сразу строить эти новеллы в Гражданский кодекс нельзя?

– Нет. Потому что при отсутствии доктринальной базы это создало бы угрозу для основополагающего акта частного права. Но эти концепции по своей природе действительно относятся к категории базовых для гражданского законодательства понятий – собственности, личных прав, публичного и частного имущества, институционализации юридических лиц публичного права и других. Поэтому они должны быть аккуратно введены через отдельный кодекс, а затем стать одним из источников модернизации Гражданского кодекса.

– Что значит принятие кодекса для дальнейшего развития права?

– Прежде всего это означает начало принципиально нового этапа правового развития Казахстана. Практика применения кодекса позволит не только теоретически осмыслить регулирование цифровой среды, но и станет фундаментом для эволюции всей правовой системы. На мой взгляд, казахстанский Цифровой кодекс – это отправная точка, с которой у нас начинается необходимая модернизация как цифрового законодательства, так и частноправовых отношений в целом.